

## Развитие норм указа 6 августа 1809 г. в ходе его реализации в первой трети XIX в.

*Александр Феребов*

### Development of the decree on August 6, 1809 during its implementation in the first third of the 19<sup>th</sup> century

*Aleksandr Ferebov*  
*(Moscow, Russia)*

DOI

Составленный М.М. Сперанским указ, подписанный Александром I 6 августа 1809 г., установил в Российской империи образовательный ценз для чиновнопроизводства по гражданской службе<sup>1</sup>. В историографии доминирует мнение, согласно которому он почти не применялся на практике. «Уже через три года после издания указа, — писал Л.Е. Шепелёв, — соблюдение его требований можно было считать исключением»<sup>2</sup>. Многие исследователи рассуждали менее резко, но и они полагали, что забвение правил 1809 г. произошло задолго до утверждения 25 июня 1834 г. нового «Положения о порядке производства в чины по гражданской службе»<sup>3</sup>.

Высказывались и противоположные взгляды, однако их аргументация была разрозненна и противоречива. Наиболее решителен был А.И. Куприянов, отме-

© 2018 г. А.Н. Феребов

<sup>1</sup> ПСЗ-I. Т. 30. № 23771. С. 1054—1057. По традиции здесь и далее под терминами «указ», «закон», «правила» и «нормы» 1809 г. будут пониматься вместе два взаимосвязанных правовых акта. Это императорский именной указ Сенату «О правилах производства в чины...» и высочайше подтвержденное положение о порядке испытаний и о способах подготовки к ним, подготовленное Главным правлением училищ: Центральный государственный архив г. Москвы (далее — ЦГА Москвы), ф. 418, оп. 109, д. 201, л. 1—7.

<sup>2</sup> Шепелёв Л.Е. Чиновный мир России: XVIII — начало XX в. СПб., 1999. С. 115, 167; Шепелёв Л.Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. СПб., 2007. С. 82—83.

<sup>3</sup> Отмечу только наиболее значимые и сравнительно новые труды: Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. СПб., 1861. С. 184—186; Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права: свод материала и приготовительные этюды для исторического исследования. СПб., 1870. С. 226; Евреинов В.А. Гражданское чиновнопроизводство в России. СПб., 1887. С. 45—46; Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 32—33; Шевченко М.М. Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. С. 34—35; Кодан С.В. Юридическая политика Российского государства в 1800—1850-е гг.: деятели, идеи, институты. Екатеринбург, 2005. С. 279—280; Баженова Т.М., Зипунникова Н.Н. «Все части государственного служения требуют сведущих исполнителей...»: к 200-летию указа об экзаменах на гражданские чины // Российский юридический журнал. 2009. № 6. С. 182; Долгов А.А. Концептуальные и организационно-правовые основы государственной (гражданской) службы в Российской империи в последней трети XVIII — первой половине XIX веков. Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Краснодар, 2013. С. 20; Детинина Е.А. Влияние указа от 6 августа 1809 года на образовательный уровень чиновников Оренбургской губернии // Преподавание истории в школе. 2015. № 9. С. 75—76.

тивший, что рост образовательного уровня бюрократии и большая значимость его среди факторов продвижения по службе «опровергают встречающиеся в литературе суждения... о недейственности указа 6 августа 1809 г.»<sup>4</sup>. Исследователь опирался на подсчёты П.А. Зайончковского и В.М. Пинтнера<sup>5</sup>, однако их данные относятся к середине XIX в., когда действовали уже нормы 1834 г. К тому же наблюдения Пинтнера о роли образования в карьере чиновников могут трактоваться совершенно иначе<sup>6</sup>. Н.П. Ерошкин более осторожно признавал, что «усилия правительства по повышению образовательного уровня чиновничества принесли свои результаты»<sup>7</sup>. Б.Н. Миронов справедливо рассматривает издание указа 1809 г. как рубеж, изменивший правила чиновничества и качество кадров, поступавших на гражданскую службу. В общем процессе социальной мобильности, заключает он, «образование не гарантировало успешной карьеры, а лишь являлось необходимым её условием, служило важным фактором, который не более чем на треть определял скорость прохождения ступенек служебной лестницы». Впрочем, приведённая им статистика, взятая из нескольких статей Пинтнера, также учитывает только классные чины (в одном случае даже не ниже VIII ранга)<sup>8</sup>. Примечательно, что сам Пинтнер ни в одной из работ не высказывался о непосредственных результатах введения «комитетских испытаний». Л.Ф. Писарькова, отметив ограниченность доступа к образованию, сделала логичный вывод о том, что закон 1809 г. «был непреодолимой преградой на пути разночинцев и выходцев из податного состояния» и фактически дополнил «Табель о рангах» понятием «вечный титулярный советник». Однако собранные ею данные свидетельствовали, что на практике «несмотря на все преграды, ...им удалось избежать участи “вечного титулярного советника”» и «достигнуть заветного 8-го класса»<sup>9</sup>. Тем самым скорее подтверждалось мнение о забвении требований указа. Изучая положение провинциального чиновничества, историки иногда обнаруживали случаи применения правил 1809 г.,

---

<sup>4</sup> *Куприянов А.И.* Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М., 1995. С. 68; *Куприянов А.И.* Городская культура русской провинции. Конец XVIII — первая половина XIX века. М., 2007. С. 52.

<sup>5</sup> *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат... С. 33—34; *Pintner W.M.* Civil Officialdom and the Nobility in the 1850' // *Russian officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth century* / Ed. by Pintner W.M., Rowney D.K. Chapel Hill, 1980. P. 227—249.

<sup>6</sup> *Морякова О.В.* Система местного управления России при Николае I. М., 1998. С. 198—199.

<sup>7</sup> *Ерошкин Н.П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты: (Первая половина XIX века). М., 1981. С. 69. Этот вывод основывался на результатах проведённого Пинтнером когортного анализа социальных характеристик чиновников 1846—1855 гг. по времени их вступления в службу. До конца 1830-х гг. доля выпускников высших учебных заведений, включая «элитные», имела ненаправленные колебания между 10 и 20%, а «после 1839 г.» резко взлетела до 41%. Сам Пинтнер связывал это с особенностью выборки, которая учитывала только обладателей классных чинов. Если те, кто имел высшее образование, получали тот или иной ранг при поступлении на службу, то их ровесники, окончившие гимназии и нижестоящие училища, сначала оказывались в канцелярских званиях и к указанному времени попросту не успели стать коллежскими регистраторами (*Pintner W.M.* The Social Characteristics of the Early Nineteenth-Century Russian Bureaucracy // *Slavic Review*. Vol. 29. 1970. № 3. September. P. 440—441).

<sup>8</sup> *Миронов Б.Н.* Русский город в 1740—1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С. 140—141; *Pintner W.M.* The Evolution of Civil Officialdom, 1755—1855 // *Russian officialdom*... P. 222—223.

<sup>9</sup> *Писарькова Л.Ф.* Росийский чиновник на службе в конце XVIII — первой половине XIX века // *Человек*. 1995. № 3. С. 125—126; *Писарькова Л.Ф.* От Петра I до Николая I: политика правительства в области формирования бюрократии // *Отечественная история*. 1996. № 4. С. 39—40.

но на обобщениях это не отражалось<sup>10</sup>, анализ проблемы ограничивался интерпретацией отдельных фактов, и предположение об исполнимости закона оставалось неаргументированной гипотезой<sup>11</sup>.

Наконец, в историографии образования ещё Е. Шмид подчёркивал плодотворность норм 1809 г.<sup>12</sup> Их внедрение в 1810–е гг. подробно описано на материалах Казанского и Харьковского университетов<sup>13</sup>. Известно о работе предусмотренных указом институций и в более позднее время<sup>14</sup>. Тем не менее в современной литературе правила 1809 г. не рассматривают среди факторов увеличения численности студентов после опалы Сперанского в 1812 г. или вовсе отрицают их влияние<sup>15</sup>. Немногочисленные упоминания о положительной роли указа стужёвываются при изложении критики современников, перечислении затруднений, препятствовавших его осуществлению, и последовавших уступок разным социальным группам<sup>16</sup>. На этом фоне выделяется замечание Л.Б. Хорошиловой о том, что «путь в университет становился жизненной необходи-

---

<sup>10</sup> Мерзлякова Л.В. Чиновничество Вятской губернии первой половины XIX в. (Опыт социально-политической характеристики). Дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1997. С. 64–65, 106–107, 111–113; Поскачей Т.А. Провинциальное чиновничество России в последней четверти XVIII — первой половине XIX в. (на материалах Рязанской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2006. С. 97, 184; Мельникова И.Г. Чиновничество Верхневолжских губерний в первой четверти XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2010. С. 110–112, 133–135; Токмакова Ю.Н. Провинциальное чиновничество центральной России в 1801–1861 гг. (на материалах Курской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2011. С. 59–61, 121–122.

<sup>11</sup> Павлюк Ю.Б. Российское чиновничество в системе местного управления в первой половине XIX века (на материалах Московской и Тверской губерний). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 71–80; Плех О.А. Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. С. 120, 129–131.

<sup>12</sup> Шмид Е. История средних учебных заведений в России. СПб., 1878. С. 78.

<sup>13</sup> Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Т. 1. Харьков, 1893. С. 214, 221, 271, 572–573; Загоскин Н.П. История императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. Т. 2. Казань, 1902. С. 361–380.

<sup>14</sup> Багалей Д.И. Указ. соч. Т. 2. Харьков, 1904. С. 647–648; Загоскин Н.П. Указ. соч. С. 362; Flynn J.T. The University Reform of Tsar Alexander I. 1802–1835. Washington, 1988. P. 148; Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 1. М., 2002. С. 319; Т. 2. М., 2002. С. 95, 426, 651, 655, 751, 756; Жуковская Т.Н. О «лжеучёности», корысти, интриганстве и корпоративной этике: пороки в университетской среде первой половины XIX века // Университеты в образовательном пространстве региона: опыт, традиции и инновации. Материалы научно-методической конференции, посвящённой 70-летию Петрозаводского государственного университета (16–17 февраля 2010 г.). Ч. 1. Петрозаводск, 2010. С. 25; Жуковская Т. Архив Педагогического института в Санкт-Петербурге (1804–1819): специфика отражения университетской повседневности // Биографии университетских архивов. М., 2017. С. 128, 138–139.

<sup>15</sup> McClelland J.C. Autocrats and Academics: Education, Culture and Society in Tsarist Russia. Chicago, 1979. P. 18; Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М., 2000. С. 120–123, 208; Андреев А.Ю. Лекции по истории Московского университета: 1755–1855. М., 2001. С. 161–162; Петров Ф.А. Формирование системы... Т. 1. С. 226; Т. 2. С. 198–200; Мантров Ю.Н. Государственная политика России по управлению и развитию университетов в первой трети XIX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 18; Змеев В.А. Курс лекций по истории высшей школы Российской империи. М., 2010. С. 156; Феофанов А.М. Студенчество Московского университета XVIII — первой четверти XIX века. М., 2011. С. 37, 40, 44–46, 149–150.

<sup>16</sup> Аврус А.И. История российских университетов. Курс лекций. Изд. 2, перераб. и доп. Саратов, 2005. С. 30; Иерусалимская С.Ю. Исторический опыт функционирования системы народного образования Верхнего Поволжья в XIX в.: от становления до модернизации. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2015. С. 203, 456–457; Сточик А.М., Пальцев М.А., Затравкин С.Н. Медицинский факультет Московского университета в первой трети XIX в. М., 2001. С. 61–63.

мостью» не только вследствие популяризации знаний, но и в силу требований закона, установленных 6 августа 1809 г.<sup>17</sup>

В целом же отрицание действительности указа «об экзаменах на чин» остаётся устойчивым историографическим предрассудком, хотя существующие его доказательства не выдерживают критики<sup>18</sup>. О постоянной востребованности правил 1809 г. в течение двух с половиной десятилетий свидетельствует непрерывная деятельность комитета для испытания чиновников при Московском университете, отразившаяся в многочисленных источниках<sup>19</sup>. Выявление характера, особенностей и результатов применения указа «об экзаменах на чин», а также отношения к нему в правительственных сферах и в обществе, по сути, только начинается. Прежде всего, необходимо выяснить: насколько устойчивыми оказались правовые нормы, утверждённые в 1809 г., изменяли ли их при внедрении в практику и при дальнейшем употреблении и как именно? Ответить на эти вопросы позволяют законы, распоряжения руководителей учебного ведомства (нередко имевшие циркулярный характер<sup>20</sup>), делопроизводство и переписка попечителей учебных округов и университетских корпораций, мемуары, сообщающие об интерпретации юридических норм и способах приспособления к ним, повлекших затем дополнительную регламентацию правил.

В литературе неоднократно указывалось на происходившие изъятия из-под действия указа «об экзаменах на чин» тех или иных структур и категорий отечественной бюрократии. На самом деле таковых исключений последовало сравнительно мало. Указ изначально предусматривал льготы для ряда территорий и групп чиновников. Так, он не распространялся на Грузию, Кавказскую и три сибирские губернии, а также на медицинскую часть и переход военных чинов в гражданскую службу (п. 8—10)<sup>21</sup>. В 1809—1825 гг. от ценза освободили лишь гражданских служащих «обеих военных коллегий», счётных частей всех учреждений и некоторых мелких подразделений. Более широко данная практика применялась в отношении академиков, профессоров, директоров и учителей гимназий, преподавателей Горного кадетского корпуса и духовных учебных заведений. Однако всем им под угрозой потери чинов и проведения установленной аттестации запретили переходить на должности, подпадавшие под общие правила чинопроизводства<sup>22</sup>. Тем самым указ 1809 г. по-прежнему действовал для подавляющей массы российского чиновничества, служившего в министерствах, Сенате, Синоде, Государственной канцелярии, в губерниях Европейской части России и т.д. Его не стали вводить на вновь присоединённых

<sup>17</sup> Хорошилова Л.Б. Студенты // Университет для России. Т. 2. М., 2001. С. 240; Пономарёва В.В., Хорошилова Л.Б. Человек александровской эпохи: взгляд с Моховой // Там же. С. 35.

<sup>18</sup> Подробнее см.: *Феребов А.Н.* Формирование студенческого состава Московского университета в первой половине XIX века: государственная политика и общественный интерес. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. С. 140—145.

<sup>19</sup> *Феребов А.Н.* Дела о выдаче аттестатов испытательным комитетом при Московском университете по указу от 6 августа 1809 года: перспективы изучения // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова): VII Арсентьевские чтения. Сборник статей. Т. 1. Чебоксары, 2017. С. 208—211.

<sup>20</sup> Об этом, в частности, свидетельствуют дела, отложившиеся в фондах Московского университета и канцелярии попечителя Московского учебного округа: ЦГА Москвы, ф. 418, 459.

<sup>21</sup> ПСЗ-И. Т. 30. № 23771. С. 1055.

<sup>22</sup> ПСЗ-И. Т. 31. № 24483. С. 512; № 24585. С. 609; Т. 32. № 25047. С. 239; Т. 33. № 25862. С. 143—144; Т. 36. № 27652. С. 46; Т. 37. № 28413. С. 440—442; Т. 38. № 28998. С. 144—146; № 29209. С. 642; № 29451. С. 954; Т. 43. Ч. 2. К № 27981. С. 204 (отдельная пагинация).

в 1809—1815 гг. территориях Финляндии и Польши, но там действовали особые квалификационные требования<sup>23</sup>.

При Николае I новых послаблений для целых ведомств не делалось. Согласно указу 22 августа 1826 г., «без экзаменов все чиновники IX и VI классов, выслужившие в этих чинах положенное число лет, были произведены в коллежские асессоры и статские советники»<sup>24</sup>. Однако при этом особо оговаривалось, что «сим единовременным изъятием не отменяется указ 6 августа 1809 года в его силе», и дальнейшее чинопроизводство сохранялось «по существующим узаконениям»<sup>25</sup>. Поэтому получившие таким путём чин VIII класса могли претендовать на производство в V класс лишь в общем порядке. В дальнейшем царь освободил от требований 1809 г. лиц, занимавших учебные и учёные должности, зато с 1828 г. образовательный ценз снова стал применяться при замещении некоторых мест по счётной части, а в 1831 г. были подтверждены различия прав учащихся Царства Польского и российских университетов<sup>26</sup>. Таким образом, количество исключений отнюдь не означало их обширности.

Правила 1809 г. регулировали процедуру производства в коллежские асессоры и далее<sup>27</sup>. Помимо «отличных одобрений своего начальства», каждый претендент на VIII и V ранги обязан был предъявить «свидетельство от одного из состоящих в империи университетов, что он обучался в оном с успехом наукам, гражданской службе свойственным, или что, представ на испытание, заслужил на оном одобрение в своём знании» (п. 1)<sup>28</sup>. Соответственно «в каждом университете должен быть установлен особенный комитет из ректора и

---

<sup>23</sup> Берендтс Э. Императорский Александровский университет в Финляндии. Очерк его организации и значения в общественной жизни Финляндии. СПб., 1902. С. 71—72; Каушанова О.С. Развитие просвещения и культуры в Королевстве Польском (1815—1830) // Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815—1830. М., 2010. С. 434.

<sup>24</sup> Зайончковский П.А. Правительственный аппарат... С. 228.

<sup>25</sup> ПСЗ-II. Т. 1. СПб., 1830. № 539. С. 890—891.

<sup>26</sup> Фербов А.Н. Формирование студенческого состава... С. 161; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 1. СПб., 1864. Стб. 241, 268—269, 445—446, 497.

<sup>27</sup> Иногда неверно утверждается, будто указ 1809 г. касался приёма на службу (Ильин В.В., Панарин А.С., Ахизер А.С. Реформы и контрреформы в России: Циклы модернизационного процесса. М., 1996. С. 41). Это явно связано с упоминанием в его преамбуле об обещании, содержавшемся в «Предварительных правилах народного просвещения» 24 января 1803 г. Однако утверждённый 6 августа 1809 г. закон оказался значительно мягче, ограничивая лишь высоту продвижения по карьерной лестнице. Исключение составляла территория Дерптского учебного округа, где местный университет отстаивал право, прописанное в «Предварительных правилах народного просвещения» и закреплённое в его уставах 12 сентября 1803 г. и 4 июня 1820 г. В соответствии с ним «в губерниях..., округ сего университета составляющих, к должностям по службе, требующей юридических или других познаний, должны быть определяемы те только, которые предъявят свидетельство, что они обучались с успехом в Дерптском или другом из российских университетов, по меньшей мере три года сряду, начав и своё учение в оных». Снисхождение допускалось только для назначенных по особому высочайшему повелению (Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1864. Стб. 139, 1188—1194, 1382—1383).

<sup>28</sup> ПСЗ-I. Т. 30. № 23771. С. 1054. Не следует полагать, будто для чинопроизводства по указу 1809 г. был необходим документ, подтверждавший «факт окончания обучения по соответствующему профилю службы» (Архиреева А.С. Правовое положение (статус) государственных гражданских служащих в Российской империи (начало XIX века — 1917 год). Дис. ... канд. юр. наук. Краснодар, 2017. С. 67). Нечто подобное существовало лишь в Великом Княжестве Финляндском (Берендтс Э. Указ. соч. С. 71—72). Квалификационные же нормы, установленные для гражданских служащих в 1809 г., не зависели от специализации ведомств.

трёх профессоров» (п. 12)<sup>29</sup>. Для получения VIII класса также необходимо было прослужить положенный срок в предыдущем чине. При этом за дворянами сохранили право меньшей выслуги в титулярных советниках, чем у выходцев из других сословий (приобретавших при производстве в коллежские асессоры потомственное дворянство)<sup>30</sup>.

При соответствии образовательному цензу с VIII до V класса можно было продвигаться, «не взирая на лета службы и хотя бы короткое время в настоящем чине находились» (п. 4). Правило об определении чиновников к местам «не выше и не ниже одного класса» отменялось (п. 11), что затрудняло согласование должностей и классов чинов и осложняло субординацию начальников и подчинённых. Решить эту проблему не удалось и к началу XX в.<sup>31</sup>

Для производства из VI в V ранг следовало прослужить два года «советником, прокурором, правителем канцелярии или начальником... экспедиции» (п. 5)<sup>32</sup>. В 1811 г. к этим постам добавили должности ректора, проректора, декана факультета, цензора, визитатора, секретаря университетского совета, учёного или конференц-секретаря, члена Училищного комитета, комитета испытаний в науках, советника в Комитете правления Академии наук<sup>33</sup>. При отставке следующий ранг можно было приобрести, минуя перечисленные требования, однако возвращавшиеся на службу довольствовались «теми самими чинами, какие имели они до отставки» (п. 6)<sup>34</sup>.

Соединяя служебные преимущества только с университетами, указ 1809 г. лишал смысла поступление в другие училища ради карьеры по гражданской части. Между тем ряд учебных заведений в России к тому времени уже целенаправленно готовил будущих чиновников, а их питомцы получали при выпуске права на классные чины. Новые правила чиновпроизводства о них умалчивали. Вскоре правительство обратило на это внимание. Уже в 1810 г. к университетским студентам приравнивали выпускников Царскосельского лицея. В 1811 г. к ним присоединились воспитанники Академии наук, Ярославского училища высших наук, Педагогического института в Петербурге (выступавшего как «отделение имеющего быть в Санктпетербурге университета»<sup>35</sup>), Высшего училища правоведения, в 1812 г. — Полоцкой академии, в 1817 г. — Ришельевского лицея, в 1818 г. — Горного кадетского корпуса, в 1819 г. — Константиновского Межевого института, в 1825 г. — гимназии высших наук князя Безбородко. В 1811 г. с ними сравнивались в данном праве лучшие выпускники Киевской гимназии, в 1817 г. — окончившие дополнительный восьмой класс Петербургской гимназии, а в 1818 г. все выпускники Благородных пансионов при Московском университете и Главном Педагогическом институте<sup>36</sup>.

<sup>29</sup> ПСЗ-И. Т. 30. № 23771. С. 1056.

<sup>30</sup> *Pintner W.M.* Civil Officialdom... P. 234.

<sup>31</sup> *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат... С. 40—41, 44—51; *Шенелёв Л.Е.* Чиновный мир России... С. 167—187.

<sup>32</sup> ПСЗ-И. Т. 30. № 23771. С. 1055.

<sup>33</sup> Сборник постановлений... Т. 1. Стб. 678.

<sup>34</sup> ПСЗ-И. Т. 30. № 23771. С. 1055.

<sup>35</sup> Сборник постановлений... Т. 1. Стб. 234. Уже весной 1810 г. при нём организовали предусмотренные указом 1809 г. курсы для чиновников и испытательный комитет (Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1810. В 2 ч. Ч. 1. СПб., 1810. С. 392—393; Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1866. Стб. 169), однако его воспитанников уравнивали со студентами только после особого высочайшего повеления.

<sup>36</sup> ПСЗ-И. Т. 31. № 24325. С. 311; № 24483. С. 512; № 24813. С. 870; Т. 34. № 26666. С. 65; № 26827. С. 254; Т. 35. № 27268. С. 109; № 27602. С. 654; Т. 36. № 28024. С. 413; Сборник поста-

Николай I продолжил данную политику в отношении тех, кто окончил учреждённые и реорганизованные при нём высшие учебные заведения, но лишил таковой привилегии Киевскую гимназию, Высшее училище (бывший пансион при Петербургской гимназии) и 1-ю Московскую гимназию (бывший Благородный пансион при Московском университете). С 1828 г. чиновников, окончивших губернские гимназии, при производстве в VIII и V классы следовало испытывать только в тех предметах, которые отсутствовали в их аттестатах. Это правило распространили и на возникшие позже дворянские институты<sup>37</sup>. Таким образом, рост образовательной сети и её профессиональная специализация сопровождалась расширением круга учебных заведений, выпускники которых освобождались от экзаменов на чин.

Следует отметить, что реформы начала XIX в. проходили в атмосфере постоянных поисков и в конечном виде нередко оказывались несогласованными<sup>38</sup>. Устав Дерптского университета 12 сентября 1803 г. обязывал студентов, желающих после выпуска занимать гражданские должности, проучиться не менее трёх лет, однако в других учебных округах такого требования не выдвигалось<sup>39</sup>. По уставу 5 ноября 1804 г. трёхлетний срок обучения устанавливался только для казённых студентов независимо от факультета<sup>40</sup>. Учившимся за свой счёт для приобретения служебных преимуществ достаточно было пройти процедуру официального производства в студенты и получить аттестат, в котором «показано, коликое время пользовался он университетскими наставлениями, внесены свидетельства профессоров, у коих слушал лекции, и свидетельство о его поведении»<sup>41</sup>. Для этого необходимо было выслушать «курсы для всех наук нужные», однако их перечень и срок изучения не оговаривались<sup>42</sup>. Заинтересованные современники быстро поняли выгоду подобных норм и стали выходить из университета вскоре после зачисления в студенты<sup>43</sup>, профессора же не имели правовых рычагов, чтобы задержать юношей в аудиториях. Окончательное решение, очевидно, зависело от социального статуса учащегося и особых соображений университетского начальства. Во всяком случае, именно

---

новлений... Т. 1. Стб. 781, 1659—1664, 1833—1835. Согласно алфавитному указателю к Полному собранию законов Российской империи, в 1816 г. из правил чинопроизводства по указу 6 августа 1809 г. были исключены и выпускники Царскосельского благородного пансиона. Однако в соответствующем законе такого положения нет. В нём сказано только о правах на вступление в гражданскую службу наравне с выпускниками Царскосельского лицея в чины «от 14 до 10 класса» при выполнении определённых условий (Ср.: ПСЗ-I. Т. 33. № 26562. С. 1123; Т. 42. Ч. 2. С. 1304).

<sup>37</sup> Сборник постановлений... Т. 2. Отд. 1. Стб. 202, 242, 479—481, 494, 540, 563, 631, 711—714, 721, 743—744; Сборник распоряжений... Т. 1. Стб. 691—695, 747, 880—881.

<sup>38</sup> *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX в. Замыслы, проекты, воплощение. М., 2012. С. 26—208.

<sup>39</sup> Сборник постановлений... Т. 1. Стб. 139.

<sup>40</sup> Сборник постановлений... Т. 1. Стб. 318. См. также: *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902. СПб., 1902. С. 58; *Насонкина Л.И.* Московский университет после восстания декабристов. М., 1972. С. 28; *Хорошилова Л.Б.* Студенты. С. 237; *Аврус А.И.* История российских университетов... С. 29.

<sup>41</sup> Сборник постановлений... Т. 1. Стб. 288, 317.

<sup>42</sup> Там же. Стб. 316—317. В связи с этим трудно согласиться с мнением А.Ю. Андреева, будто о скоро выходящих из университета студентах «следует говорить, что они “учились в университете”», а не «окончили» его (*Андреев А.Ю.* Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009. С. 484). Длительное слушание лекций отражало отношение к ним, а не статус обладателя аттестата.

<sup>43</sup> *Андреев А.Ю.* Лекции по истории... С. 155; *Феофанов А.М.* Студенчество Московского университета... С. 105—106.

этими факторами в начале XIX в. был обусловлен патернализм при присуждении учёных степеней<sup>44</sup>.

Требую от чиновников свидетельства об успешном обучении в университетах, правила 1809 г. не упоминали об окончании «полного» курса. Благодаря существовавшей тогда «свободе обучения» студенты вполне логично стали выбирать лекции в соответствии со списком «экзаменов на чин»<sup>45</sup>. Ведь его объём был меньше полной программы любого факультета и, по верному замечанию А.В. Предтеченского, за исключением юридических наук сближался с гимназическим курсом<sup>46</sup>. Получая аттестаты с указанием небольшого времени пребывания в университете, но с перечислением всех дисциплин, в которых полагалось испытывать служащих, выпускники могли считать обеспеченным своё дальнейшее чиновничество, а родители и опекуны — будущее своих воспитанников. Уже в 1814 г. министр народного просвещения гр. А.К. Разумовский неодобрительно констатировал, «что многие, желая воспользоваться упомянутыми по службе выгодами, вступают в университеты на весьма короткое только время и потом тотчас оставляют оные, дабы иметь токмо университетские аттестаты»<sup>47</sup>.

Изменению ситуации послужил ряд мер. С 1810 г. для всех, решивших стать лекарями, установили обязательное обучение врачебным наукам не менее трёх лет. По указу 10 ноября 1811 г. для исключения из податного оклада студенты непривилегированного происхождения должны были завершить полный университетский курс<sup>48</sup>. Наконец, 30 сентября 1814 г. министр предписал выдавать «полные аттестаты», предоставлявшие служебные преимущества, «только студентам, которые окончат полный курс учения». Прочие могли рассчитывать лишь на дипломы «с означением времени бытности их в университете и с присовокуплением, что как они не окончили полного курса учения, то и не распространяется на них сила указа 6 августа 1809 года и 26 статья Предварительных правил народного просвещения»<sup>49</sup>. В 1819 г. данную норму закрепило утверждённое императором «Положение о производстве в учёные степени», а из-за встречающихся нарушений министр духовных дел и народного просвещения подтвердил её в 1822 г.<sup>50</sup> В конце 1810-х гг. был регламентирован порядок подсчёта сроков обучения<sup>51</sup>.

Оформление полного и неполного аттестата вызывало затруднения при определении прав студентов, вышедших из университетов до 1814 г., на чиновничество по указу 1809 г. Например, в июне 1806 г. в студенты произвели дворянина Н.М. Богданова, проучившегося три года и по болезни покинувшего Московский университет в 1809 г. Ему выдали аттестат с перечислением десяти прослушанных дисциплин с пометой, что «поведение имел всегда добродетельное», но без упоминания о полноте пройденного курса. В 1834 г.

<sup>44</sup> Петров Ф.А. Формирование системы... Т. 2. С. 482; Университет в Российской империи XVIII — первой половины XIX века / Под ред. А.Ю. Андреева, С.И. Посохова. М., 2012. С. 364—372.

<sup>45</sup> Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 111—112.

<sup>46</sup> Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957. С. 242.

<sup>47</sup> Сборник распоряжений... Т. 1. Стб. 256.

<sup>48</sup> Сборник постановлений... Т. 1. Стб. 616, 759.

<sup>49</sup> Сборник распоряжений... Т. 1. Стб. 256—257.

<sup>50</sup> Там же. Стб. 472—474; Сборник постановлений... Т. 1. Стб. 1250—1251, 1257.

<sup>51</sup> Петров Ф.А. Формирование системы... Т. 2. С. 774; Сточик А.М., Пальцев М.А., Затравкин С.Н. Медицинский факультет... С. 79—83.

Богданов состоял уже чиновником IX класса. Для представления его к повышению канцелярия Московского военного генерал-губернатора, предъявив копию аттестата, запросила университет о том, «может ли чиновник сей... иметь право на основании указа 6<sup>го</sup> декабря<sup>52</sup> 1809 года к производству в коллежские асессоры». Ректор подтвердил «полное право» Богданова<sup>53</sup>.

Особое значение для чиновников приобрела сохранность университетских архивов. Это хорошо видно на примере Московского университета, документация которого сгорела в пожаре 1812 г. Теряя оригинальные дипломы, служащие обращались за выдачей «вторичного» аттестата (копии). Тогда от них требовали письменные свидетельства профессоров, лекции которых они слушали. Поскольку со временем в живых оставалось всё меньше преподавателей «допожарного» периода, их немногочисленные подтверждения чиновники стали дополнять копиями формулярных списков с информацией об образовании. Университет заверял только факт производства в студенты, перечень посещённых лекций и время обучения. Степень «полноты» пройденного курса при этом не обозначали<sup>54</sup>.

Несоответствие зафиксированных таким образом данных требованиям более поздних правовых актов затягивало или останавливало повышение чиновников. Так, титулярный советник почтового ведомства П.А. Шешадамов в 1816 г. получил копию аттестата после свидетельств профессоров А.М. Брянцева и М.Г. Гаврилова, что он был произведён в студенты в 1796 г. Однако и через 15 лет он не стал коллежским асессором, хотя начальство представляло о его награждении следующим чином. Препятствием оказалось то, что в аттестате не говорилось, «чтобы обучался он в самом университете»<sup>55</sup>.

В 1821 г. министр духовных дел и народного просвещения запретил выдавать вторичные аттестаты взамен утерянных, «буде не имеется отпуска с прежних»<sup>56</sup>. Московских студентов, учившихся до 1812 г., это лишало возможности воспользоваться своими правами по указу 1809 г. При просьбах о выдаче копий дипломов чиновники стали предъявлять все имевшиеся документы, подтверждавшие их обучение в университете: свидетельства профессоров, указы о производстве в первый чин по университетскому аттестату, копии формулярных списков с подробными сведениями об образовании, сообщения «Московских ведомостей» о принятии в студенты, наградные листы, в иных случаях они через своё начальство просили министра народного просвещения о снисхождении<sup>57</sup>. В более выгодном положении оказывались только те, кто после оконча-

<sup>52</sup> Так в документе.

<sup>53</sup> ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 492, д. 93. Здесь не имеет значения то, что запрос сделали в декабре 1834 г., когда уже действовали новые правила чинопроизводства: лица, получившие аттестаты до июня 1834 г., приравнивались к чиновникам первого разряда только при условии соответствия их документов требованиям указа 6 августа 1809 г. (ПСЗ-II. Т. 9. Отд. 1. СПб., 1835. № 7224. С. 665). Так, производство А.А. Ниротморцова в коллежские асессоры в 1846 г. зависело от удовлетворительной сдачи им «экзамена на чин» в 1825 г. Исправлявший должность директора Слуцкой гимназии П. Лубкин для получения чина статского советника в 1855 г. просил подтвердить факт окончания им Московского университета в 1832 г. (ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 1, д. 209, л. 100; оп. 122, д. 40, л. 10—13).

<sup>54</sup> ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 110, д. 377, л. 7; оп. 112, д. 207; оп. 114, д. 180; оп. 115, д. 310, 474; оп. 116, д. 2, 201; оп. 117, д. 136, л. 4.

<sup>55</sup> Там же, ф. 418, оп. 113, д. 384; оп. 118, д. 68, л. 1—3; Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1831. В 2 ч. Ч. 1. СПб., 1831. С. 530.

<sup>56</sup> ЦГА Москвы, ф. 459, оп. 1, д. 3331, л. 1 об.

<sup>57</sup> Там же, л. 1—2 об.; ф. 418, оп. 118, д. 296; оп. 126, д. 15.

ния курса оставался в подчинении университета. Обычно они не брали на руки первичный аттестат, и позднее им выдавали диплом по засвидетельствованию профессоров даже при отсутствии в архиве отпусков<sup>58</sup>.

Не менее существенно меняли перспективы государственной службы для различных категорий лиц и поправки, касавшиеся организации специальных испытаний. В переписке Московского университета с Министерством народного просвещения экзаменационную комиссию называли «комитетом испытаний, учреждённым на основании высочайшего указа от 6 августа 1809 года». В делопроизводстве также использовали сокращённые наименования, самое лаконичное из которых — «комитет испытаний». Согласно закону он должен был состоять «из ректора и трёх профессоров»<sup>59</sup>, но на практике происходили отступления от данного правила.

Испытательные комитеты всегда возглавляли руководители учёных корпораций (ректоры или директора, как в Петербургском Педагогическом институте, преобразованном в 1816 г. в Главный Педагогический институт, или в Казанском университете до 1814 г.). В Казани, Харькове и Петербурге (и до открытия в 1819 г. университета, и после) смена членов комитетов происходила относительно часто<sup>60</sup>. Особенно следует отметить столичный опыт. Не позднее чем с 1816 г. в помощь председателю комитета испытаний конференция Главного Педагогического института перед каждым экзаменом должна была назначать из своего состава двух или трёх членов, дабы ни один из них «не был два раза сряду в сей должности». Формально экзаменаторами могли стать не только профессора, но и адъюнкты. Для удобства испытания проводили после набора нескольких экзаменуемых. Кроме того, экзамены могли пройти и в полном составе конференции, если она считала это необходимым, а также в присутствии приглашённых «чиновников других учёных сословий» — Академии наук, Медико-Хирургической академии, Депо карт и т.д.<sup>61</sup> На практике в состав местного комитета «входили почти все профессора», но чаще в нём заседали 5—7 человек<sup>62</sup>. О расширении состава других комитетов испытаний неизвестно.

В Москве действовали иначе. Однажды утверждённые члены по несколько лет оставались в своей должности без переизбрания. Лишь в 1827 г. по примеру Петербурга попечитель учебного округа А.А. Писарев предписал университету ежегодно проводить выборы в комитет испытаний<sup>63</sup>.

Ведение делопроизводства требовало наличия секретаря. Указ 1809 г. не предусматривал этой должности, но университеты назначали на неё разных лиц, обычно из адъюнктов, магистров или кандидатов<sup>64</sup>. Умалчивало законодательство и об участии в экзаменах попечителей округов. В действительности они могли потребовать проводить испытания только в своём присутствии, как это сделал 20 января 1826 г. Писарев<sup>65</sup>.

<sup>58</sup> Там же, ф. 418, оп. 119, д. 86.

<sup>59</sup> ПСЗ-И. Т. 30. № 23771. С. 1056.

<sup>60</sup> Багалей Д.И. Указ. соч. Т. 1. С. 214, 271, 273, 572; Загоскин Н.П. Указ. соч. С. 363; ЦГА Москвы, ф. 459, оп. 1, д. 3435, л. 1.

<sup>61</sup> Сборник постановлений... Т. 1. Стб. 943.

<sup>62</sup> Жуковская Т.Н. О «лжеучёности»... С. 25; Жуковская Т.Н. Петербургский университет первой трети XIX в. в городском пространстве // Социальная история. 2009. СПб., 2010. С. 64.

<sup>63</sup> ЦГА Москвы, ф. 459, оп. 1, д. 3435, л. 1, 4—6.

<sup>64</sup> Багалей Д.И. Указ. соч. Т. 1. С. 572; ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 109, д. 396, л. 1; оп. 118, д. 114, л. 1—4 об.; оп. 119, д. 403, л. 1 об.; оп. 130, д. 6, л. 1 об.

<sup>65</sup> ЦГА Москвы, ф. 459, оп. 1, д. 3139, л. 1.

Количество экзаменационных предметов до 1834 г. не было постоянным. Среди них можно выделить две части: обязательные и дополнительные. Первые составляли четыре блока, зафиксированные в постановлении 1809 г.: науки словесные, исторические, физико-математические и юридические<sup>66</sup>. Вскоре профессорские корпорации составили билеты, исчерпывавшие «в ряде вопросов сущность каждой из этих научных дисциплин»<sup>67</sup>. В одной области аттестуемый сам выбирал предмет для испытания: требуя показать «познание, по крайней мере, одного языка иностранного», правила не ограничивали их количества и разнообразия. В Московском университете сдавали от одного до пяти иностранных языков, включая древние<sup>68</sup>. Хотя с конца 1810-х гг. университеты один за другим приостанавливали преподавание естественного права, комитеты испытаний продолжали экзаменовать по нему вплоть до 23 апреля 1833 г., когда данный предмет исключили из университетской программы<sup>69</sup>.

Указ 1809 г. не говорил о возможности расширения программы экзаменов, за исключением языков, но уже в декабре 1809 — январе 1810 г. в Казани желающих испытывали, помимо предписанных предметов, в алгебре и тригонометрии<sup>70</sup>. В мае 1810 г. министр народного просвещения разрешил аттестуемым по своему усмотрению сдавать дополнительные дисциплины<sup>71</sup>. В декабре 1816 г. царь предоставил такое право испытуемым в Главном Педагогическом институте<sup>72</sup>. В Москве аттестаты обогащались физико-математическими науками: к обязательным арифметике, геометрии и общим сведениям по физике добавлялись алгебра, аналитическая геометрия, разные области тригонометрии, дифференциальное и интегральное исчисление<sup>73</sup>. С середины 1810-х гг. в Харьковском университете экзаменовали в богопознании и христианском учении<sup>74</sup>.

Даже по всем перечисленным «комитетские экзамены» почти не выходили за пределы гимназической программы 1804 г.<sup>75</sup> Утверждения, будто испытания проходили «за курс университета»<sup>76</sup>, не подтверждаются ни положениями указа 1809 г., ни последующей практикой.

В соответствии с требованием указа испытания обычно проходили в четыре приёма, по одному на каждый блок наук<sup>77</sup>. Иногда количество подходов

<sup>66</sup> ПСЗ-І. Т. 30. № 23771. С. 1056.

<sup>67</sup> Багалеі Д.И. Указ. соч. С. 271, 572.

<sup>68</sup> *Феребов А.Н.* Экзамен по иностранному языку по указу от 6 августа 1809 г.: разнообразие языков и их социальная привязанность (по материалам Московского университета) // Россия и Европа: исторический опыт взаимодействия и взаимопонимания. XVIII—XX вв. Сборник статей. М., 2017. С. 292—293.

<sup>69</sup> ЦГА Москвы, ф. 459, оп. 1, д. 4497, л. 9 об. О преподавании естественного права см.: Там же, д. 3435, л. 2 об.; Сборник постановлений... Т. 2. Отд. 1. Стб. 549; *Петров Ф.А.* Формирование системы... Т. 2. С. 337, 346, 478—480, 500, 507; Т. 3. М., 2003. С. 126, 316—318.

<sup>70</sup> *Загоскин Н.П.* Указ. соч. С. 367; *Фролова С.А.* «Имеет ли он познания, к сему роду службы нужные?..» (Как сдавали экзамен в Казанском университете будущие попечители Казанского учебного округа В.П. Молоствов и М.Н. Мусин-Пушкин) // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2008. № 2. С. 83—85.

<sup>71</sup> Сборник распоряжений... Т. 1. Стб. 173.

<sup>72</sup> Сборник постановлений... Т. 1. Стб. 943—944.

<sup>73</sup> ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 118, д. 114, л. 2 об., 3 об.; оп. 120, д. 85, л. 2 об., 3 об.

<sup>74</sup> Багалеі Д.И. Указ. соч. Т. 2. С. 647.

<sup>75</sup> Сборник постановлений... Т. 1. Стб. 335.

<sup>76</sup> *Аврус А.И.* История российских университетов... С. 30; *Жуковская Т.Н.* Петербургский университет... С. 44; *Фролова С.А.* «Имеет ли он познания, к сему роду службы нужные?..»... С. 78.

<sup>77</sup> Багалеі Д.И. Указ. соч. Т. 1. С. 572; ПСЗ-І. Т. 30. № 23771. С. 1056; Сборник постановлений... Т. 1. Стб. 945; ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 111, д. 14, л. 13, 18—20, 21, 22.

увеличивали<sup>78</sup>. Часть дисциплин сдавали письменно, другие — устно. При неудаче передавать следовало только те предметы, по которым были получены низкие оценки<sup>79</sup>.

По донесению комитета испытаний «кандидатам, оказавшим довольные в науках успехи», университетское правление выдавало аттестаты «надлежащей формы», которые следовало предъявлять начальству для внесения в послужной список<sup>80</sup>. 27 мая 1810 г. «для точного выполнения смысла постановления и в отвращение злоупотреблений и всяких неприятных для университетов толкований» министр народного просвещения циркулярно разослал образец диплома. В аттестатах надлежало прописывать точную степень познаний по каждому предмету, включая дополнительные, но умалчивать о плохо выдержанных экзаменах<sup>81</sup>. Интересно, что ещё до этого распоряжения комитет испытаний при Казанском университете выдал гр. М.Н. Мусину-Пушкину аттестат без указания познаний в правовых дисциплинах и физике, которым он не обучался (по ним его не экзаменовали)<sup>82</sup>.

Отсутствие сведений о несданных предметах порождало попытки получить повышение в чине, используя упоминание в документе одних положительных оценок. Для устранения путаницы в соответствии с разъяснением министра народного просвещения стали выдавать два вида дипломов: тем, кто выдержал все экзамены, вручали «аттестаты на печатных листах, так как полные аттестаты», а остальным — «письменные свидетельства, как аттестаты неполные и частные, с прописанием предметов, в коих был кто испытываем, также сведений, им оказанных, с изъяснением всегда, что в прочих учебных предметах, требуемых упомянутым указом при производстве в восьмиклассные чины, экзамена не выдержал»<sup>83</sup>.

Впервые такая практика появилась, видимо, в Петербургском Педагогическом институте, а с 15 сентября 1813 г. была распространена по его примеру на университеты<sup>84</sup>. Однако это соблюдалось не всегда и не везде, о чём свидетельствуют предписания 1816 и 1822 гг., запрещавшие выдавать печатные аттестаты тем, кто не выдержал или вовсе не сдавал экзамены по каким-либо наукам<sup>85</sup>. По словам кн. А.Н. Голицына, начальство этих чиновников затруднялось представлять их к повышению в чины VIII и V классов и доставляло дипломы «на рассмотрение Министерству просвещения, которое также не может признать аттестатов сих достаточными»<sup>86</sup>. Возможно, одной из причин нарушений мог стать возврат к выдаче аттестата без указания несданных предметов, предусмотренный в «Образовании Главного Педагогического института» в 1816 г. Веро-

<sup>78</sup> Загоскин Н.П. Указ. соч. С. 366, 368—369; ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 118, д. 308, л. 5 об.

<sup>79</sup> Сборник постановлений... Т. 1. Стб. 946; ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 118, д. 308, л. 3 об.

<sup>80</sup> ПСЗ-1. Т. 30. № 23771. С. 1056.

<sup>81</sup> Сборник распоряжений... Т. 1. Стб. 172—173.

<sup>82</sup> Загоскин Н.П. Указ. соч. С. 366—367. Вероятно, аттестат А. фон-Веймарна без указания провалённых предметов, названный Н.П. Загоскиным «временным» и непредусмотренным законом, на самом деле соответствовал предписанию 1810 г. (Там же. С. 374—377).

<sup>83</sup> ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 109, д. 201, л. 10—10 об.

<sup>84</sup> Там же; Казакова К.С. Некоторые особенности учебного процесса в русских университетах первой половины XIX века // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2009. № 5. С. 36. Подобная практика возникла в Казанском университете по почину профессоров из-за конфликтов при оценке познаний аттестуемых (Загоскин Н.П. Указ. соч. С. 374—377).

<sup>85</sup> Сборник распоряжений... Т. 1. Стб. 492—494; ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 81, д. 392, л. 2—2 об.; оп. 114, д. 21, л. 1—3; оп. 120, д. 35.

<sup>86</sup> ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 114, д. 21, л. 3.

ятно, такой порядок был сохранён и при его преобразовании в университет в 1819 г.<sup>87</sup>

Ситуацию усугубляло отсутствие единой шкалы оценок, характерное для начала XIX в.<sup>88</sup> Указ 1809 г., образец аттестата 1810 г. и положение о Главном Педагогическом институте использовали словесные формулировки — «правильно», «достаточные», «основательные»<sup>89</sup>. Иерархию отметок в Московском университете в 1813—1834 гг. можно приблизительно выстроить так: «отличные», «очень» и «весьма хорошие», «хорошие», «очень достаточные» и «достаточные», «основательные», «изрядные», «посредственные», «слабые» и «весьма слабые». Впрочем, даже между профессорами возникали споры о том, какие успехи выше: «очень» или «весьма» хорошие<sup>90</sup>.

До лета 1815 г., выдавая дипломы после «экзамена на чин», правление Московского университета постоянно сверялось с распоряжением, разосланным 15 сентября 1813 г. Письменные свидетельства предоставлялись при «слабых» и «весьма слабых» знаниях и если испытуемый не держал какого-либо экзамена<sup>91</sup>. В остальных случаях приведены отметки от «основательных» и выше. В последующих делах упоминания о предписании 1813 г. обычно отсутствуют. В сентябре 1815 г. Александр Сергеев сын Норов показал «посредственные» знания в словесности и исторических науках. В 1819 г., сдавая исторические дисциплины, ту же оценку заслужил шихтмейстер В. Веселков. Оба сразу получили печатные аттестаты, однако затем им пришлось передавать эти предметы<sup>92</sup>. Тем самым для производства в указные чины необходимо было показать «основательные» и более глубокие познания<sup>93</sup>.

Может сложиться впечатление, что в комитеты испытаний обращались только находившиеся на службе чиновники. Однако указ 1809 г. оговаривал лишь то, что «желающий является в сей комитет, представляет аттестаты места, где он обучался, буде их имеет, и получает назначение часов испытания»<sup>94</sup>. Видимо, первоначально подразумевалось, что приступить к аттестации мог любой человек независимо от своего служебного статуса и образования. Так, «Образование Главного Педагогического института» в 1816 г. объявляло, что «комитет испытаний назначается единственно для экзамена сторонних, институту не принадлежащих лиц, желающих получить аттестаты в знании наук, потребных для удостоения к чинам по службе гражданской»<sup>95</sup>. Тем самым достаточными условиями признавались «желание получить аттестат» и «непринадлежность» к студентам.

В Москве длительное время в комитет испытаний обращались как чиновники, так и не находящиеся на государственной службе лица. В архивных доку-

<sup>87</sup> Сборник постановлений... Т. 1. Стб. 946, 1272.

<sup>88</sup> Жарова Е.Ю. Экзамены в университетах Российской империи в первой половине XIX в. // Вопросы образования. 2014. № 4. С. 249—250.

<sup>89</sup> ПСЗ-1. Т. 30. № 23771. С. 1056; Сборник постановлений... Т. 1. Стб. 944; Сборник распоряжений... Т. 1. Стб. 173.

<sup>90</sup> Записки Александра Ивановича Кошелёва (1812—1883 годы). С семью приложениями / Сост. Т.Ф. Пирожкова. М., 2002. С. 13.

<sup>91</sup> ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 109, д. 396, л. 2—4; оп. 111, д. 14, л. 2—3 об., 6—7, 10—11, 21 об., 30.

<sup>92</sup> Там же, оп. 112, д. 148, л. 1—3; оп. 115, д. 233; оп. 116, д. 330; оп. 117, д. 99, л. 3—4 об., 6.

<sup>93</sup> Определение роли «изрядных познаний» затруднительно. Среди изученных дел их показал только А. Оболенский в 1813 г. в словесных науках одновременно с «весьма слабыми» в физико-математических (ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 109, д. 396, л. 1).

<sup>94</sup> ПСЗ-1. Т. 30. № 23771. С. 1054—1056.

<sup>95</sup> Сборник постановлений... Т. 1. Стб. 943.

ментах о проведённых экзаменах обычно указана должность или чин испытуемого (канцелярист, актуариус, титулярный советник и т.д.), но нередко в них отмечена лишь сословная принадлежность или титул — дворянин, граф, князь. В последних случаях следует видеть молодых людей, ещё не поступивших на службу. Это подтверждается сравнением аттестационных дел с биографическими данными об А.В. и Д.В. Веневитиновых, Д.Н. Гончарове, А.И. Кошелёве и П.А. Степанове (иногда ошибочно пишут, будто они «окончили» университет, университетский пансион или сдали «выпускные экзамены») <sup>96</sup>.

В январе 1827 г. попечитель Московского учебного округа Писарев поднял вопрос о том, стоит ли разрешать таким лицам держать экзамены в комитете испытаний «или следует им записываться в университеты, и из оных уже вступать в службу по своему желанию?». С 26 января 1828 г. министр народного просвещения запретил комитетам допускать «к испытанию молодых людей, ещё не вступивших в службу» <sup>97</sup>. Одновременно от университетов потребовали объяснений, на каком основании ранее происходили подобные аттестации.

В своём ответе московский комитет испытаний прямо ссылался на то, что подобная практика не запрещалась в указе 1809 г. и никогда не вызывала нареканий. Поскольку нигде «не изображено положительно», что комитет «учреждён был токмо для одних служащих чиновников», то принятый закон «может... простираться и на тех молодых людей, которые впредь имеют поступить в службу государственную и дослуживаться до коллежских асессоров законным порядком». Именно «в таком точно смысле» понимали указ члены комитета «при начале учреждения его в том же 1809 году, и первые испытания начались с молодых людей, дома обучавшихся и в службу ещё не ступавших, чему следовали потом». В течение 18 лет «все другие и даже высшие начальства таковых молодых людей по комитетским аттестатам принимали в службу и в чины производили», не усматривая в том никаких нарушений <sup>98</sup>.

О распространённости такой практики свидетельствуют экзамены в казанском комитете в 1810 г. юных гр. М.Н. Мусина-Пушкина и В.П. Молоствовова. К тому времени они получили домашнее образование и ещё не состояли на службе, и их аттестация не вызвала возражений ни у попечителя Казанского учебного округа С.Я. Румовского, ни у ревизовавшего губернию сенатора П.А. Обрезкова <sup>99</sup>. Однако в конце 1820-х гг. Министерство народного просвещения осталось непреклонным, и университетам пришлось подчиниться. Если в 1826 г. в Москве 7 из 10 аттестатов выдали «дворянам», то в 1827—1834 гг. испытывали уже только служащих или отставных чиновников <sup>100</sup>.

Говоря о доступности «экзаменов на чин», следует отметить введение платы в 50 руб. за выдачу аттестатов. Впервые такой сбор появился в Главном Педагогическом институте в 1816 г. с целью усиления суммы на пенсии и еди-

<sup>96</sup> ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 119, д. 403; оп. 120, д. 516, л. 1—2, 8—10; оп. 121, д. 483, л. 1, 5; оп. 122, д. 202, л. 3, 9; Записки Александра Ивановича Кошелёва... С. 13—14; Петров Ф.А. Формирование системы... Т. 2. С. 656; Пушкин: Письма последних лет, 1834—1837 / Отв. ред. Н.В. Измайлов. Л., 1969. С. 373, 388; Пушкин А.С. Письма / Под ред. и с примеч. Л.Б. Модзалевского. Т. 3. М.; Л., 1935. С. 320; Русский биографический словарь. Смеловский—Суворина. СПб., 1909. С. 393—394.

<sup>97</sup> ЦГА Москвы, ф. 459, оп. 1, д. 3450, л. 1—3; Сборник распоряжений... Т. 1. Стб. 635—637. См. также: Багаев Д.И. Указ. соч. Т. 2. С. 648.

<sup>98</sup> ЦГА Москвы, ф. 459, оп. 1, д. 3450, л. 5—6.

<sup>99</sup> Заоскин Н.П. Указ. соч. С. 366—367; Фролова С.А. «Имеет ли он познания, к сему роду службы нужные?..»...

<sup>100</sup> ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 123, д. 3, 31, 32, 117.

новременные выплаты профессорско-преподавательскому составу<sup>101</sup>. В июне 1817 г. его распространили на все университеты, где собранные суммы также тратили на изготовление дипломов в типографии<sup>102</sup>. Судя по материалам Московского университета, из 136 человек, получивших печатные аттестаты с июня 1817 по июнь 1833 г., лишь губернский секретарь Ф. Наливкин в 1828 г. испытывал трудности при соответствующем взносе<sup>103</sup>.

Для подготовки к экзаменам молодых материально необеспеченных чиновников указ 1809 г. предусматривал организацию при университетах особых курсов. В историографии они получили название «институт гражданских чиновников»<sup>104</sup>, но в делопроизводстве Московского университета подобного наименования пока не встречено.

Лекции следовало проводить ежегодно «в летние месяцы, начиная с мая по октябрь» в свободное от службы время, «не ранее 2 часов по полудни»<sup>105</sup>. Определяя время обучения в течение года и дня, указ не регулировал продолжительность курса. В Харьковском университете и Главном Педагогическом институте его программа была растянута на два года. В обоих городах из-за летних каникул уже с 1810 г. занятия стали проводить с мая по июнь и с сентября по ноябрь. Причём, например, в Харькове их вели преподаватели гимназий, для которых это оказывалось первой ступенью собственно университетской карьеры<sup>106</sup>. Младший состав учёной корпорации нередко привлекали к данной работе и в Московском университете<sup>107</sup>.

Кроме расписания менялся и порядок записи на занятия. Указ 1809 г. говорил про две категории слушателей. Первую составляли чиновники, приходившие на лекции с разрешения своего начальства. Каждый из них должен был явиться к надзирателю курсов, который вносил их имена в особую книгу и сообщал об этом руководству слушателей. Предполагалось, что только тогда «начальник места по сему сообщению выдаёт желающим билеты для посещения». Получив разрешение, чиновники обязаны были являться на все лекции: за три пропуска подряд или за шесть в разное время исключали из списка и лишали билета. «Все же прочие, — гласил закон, — посещают курсы по их выбору и изволению». Соответственно, на них не распространялись и перечисленные правила отчисления<sup>108</sup>. Служащие также могли слушать лекции на общих правах, без уведомления начальства<sup>109</sup>. Вероятно, в таком случае они лишались возможности покидать свои учреждения в присутственные часы. О разделении слушателей на две категории упоминалось и в министерском циркуляре, разосланном 26 апреля 1810 г., и в «Образовании Главного Педагогического института» 1816 г.<sup>110</sup>

<sup>101</sup> Сборник постановлений... Т. 1. Стб. 931.

<sup>102</sup> ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 114, д. 235, л. 1—4; Сборник постановлений... Т. 1. Стб. 1021—1024; Сборник распоряжений... Т. 1. Стб. 411—412.

<sup>103</sup> ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 125, д. 15, л. 7—11.

<sup>104</sup> Багалей Д.И. Указ. соч. Т. 2. С. 647; Петров Ф.А. Формирование системы... Т. 1. С. 386.

<sup>105</sup> ПСЗ-1. Т. 30. № 23771. С. 1056.

<sup>106</sup> Багалей Д.И. Указ. соч. Т. 1. С. 221, 271, 536—537; Сборник постановлений... Т. 1. Стб. 916, 925—926.

<sup>107</sup> ЦГА Москвы, ф. 459, оп. 1, д. 247; д. 3435, л. 2; д. 3450, л. 8—8 об.; Шевырёв С.П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755—1855. М., 1998. С. 408.

<sup>108</sup> ПСЗ-1. Т. 30. № 23771. С. 1056—1057.

<sup>109</sup> Загоскин Н.П. Указ. соч. С. 365—366.

<sup>110</sup> Сборник постановлений... Т. 1. Стб. 925—926; Сборник распоряжений... Т. 1. Стб. 169—170.

Запись чиновников на курсы постепенно упрощалась. В Казанском университете первоначальный порядок сохранялся, по крайней мере, до 1815 г.<sup>111</sup> Однако в Главном Педагогическом институте уже с 1816 г. применялась более лёгкая процедура: служащие приходили с заранее полученным письменным дозволением своего начальства, и после регистрации в особой книге распорядитель курсов выдавал им «записку» для пропуска в аудитории. При этом запись начиналась за месяц до начала занятий и прекращалась через две недели после первой лекции «в той надежде, что пройденное в течение сего времени учение можно ещё вознаградить»<sup>112</sup>. Не позднее 1817 г. схожий порядок установился в Московском университете<sup>113</sup>.

Власти проявляли внимание к курсам. Александр I даже выразил желание ежегодно получать списки допущенных к ним чиновников. Начальство ведомств должно было передавать их через Министерство народного просвещения, но уже в первый год никто не сделал этого применительно к занимавшимся в Петербурге при Педагогическом институте. Тогда 26 апреля 1810 г. министр предписал университетам сообщать ему «в начале каждого курса списки таковых слушателей с означением их чинов и мест службы... для донесения оных Государю». Следовало приводить два перечня: слушающих лекции регулярно, «и потому имеющих право получать по окончании курсов свидетельство», и посещающих их «по разным причинам непостоянно»<sup>114</sup>.

Следует отметить, что лекции для чиновников посещались плохо. В их чтении происходили многолетние перерывы, хотя расписания таких занятий утверждались вплоть до 1834 г.<sup>115</sup> В апреле 1828 г. Писарев предложил допускать к экзаменам только тех чиновников, которые прослушают лекции. Московский комитет испытаний воспротивился этому, напомнив, что данные курсы были учреждены только для тех, кто не имел иных способов подготовки. Более того, выдвинутое требование не могли бы выполнить приезжавшие в университетские города из других губерний. После рассмотрения вопроса в Главном правлении училищ министр согласился с мнением членов комитета<sup>116</sup>.

Трудно сказать, какая доля лиц готовилась к экзаменам тем или иным образом. Можно лишь обозначить круг средств, имевшихся в их распоряжении. Помимо курсов знания для аттестации можно было получить в гимназиях и благородных пансионах (в некоторых из них даже старались ввести полное преподавание наук, упомянутых в указе 1809 г.)<sup>117</sup>, с помощью частных уроков у профессоров<sup>118</sup> или самостоятельно изучая пособия, специально рассчитанные на «комитетские экзамены»<sup>119</sup>. Наконец, законы первой четверти XIX в. разре-

<sup>111</sup> Загоскин Н.П. Указ. соч. С. 371.

<sup>112</sup> Сборник постановлений... Т. 1. Стб. 925—926.

<sup>113</sup> ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 114, д. 100; оп. 116, д. 23.

<sup>114</sup> Сборник распоряжений... Т. 1. Стб. 169—170.

<sup>115</sup> Об этом известно по материалам Казанского, Московского и Харьковского университетов: ЦГА Москвы, ф. 459, оп. 1, д. 247, л. 14—14 об.; д. 3435, л. 2—3; д. 3450, л. 8, 17 об.; д. 4497, л. 1 об.; Багалей Д.И. Указ. соч. Т. 1. С. 273, 572; Т. 2. С. 647; Бурмистрова Л.П. Публичные лекции профессоров и преподавателей Казанского университета XIX в. Казань, 2002. С. 8—15, 138—139.

<sup>116</sup> ЦГА Москвы, ф. 459, оп. 1, д. 3450, л. 9, 15—19; ф. 418, оп. 98, д. 283; Сборник распоряжений... Т. 1. Стб. 681—682. Н. Булич ошибочно считал запись на курсы необходимой для того, «чтоб иметь право подвергнуться экзамену» (Булич Н. Из первых лет Казанского университета (1805—1819). Рассказы по архивным документам. Ч. 1. Казань, 1887. С. 535; Ч. 2. Казань, 1891. С. 278).

<sup>117</sup> Сборник постановлений... Т. 1. Стб. 969—970; Сборник распоряжений... Т. 1. Стб. 316—317, 503—504, 747; Рождественский С.В. Указ. соч. С. 69—70.

<sup>118</sup> Загоскин Н.П. Указ. соч. С. 376; Записки Александра Ивановича Кошелёва... С. 13.

<sup>119</sup> [Гаретовский И.] Новый и лёгкий способ приготовить себя к выдержанию испытания в науках, в высочайшем указе 6-го августа 1809 года означенных, или Полный курс словесности, исто-

шали ректорам допускать всякого желающего к ординарным университетским лекциям<sup>120</sup>. Это позволяло бесплатно готовиться к «экзаменам на чин» у тех же учёных, которые потом их принимали. В Московском университете ординарные лекции посещало немало чиновников. Обычно они занимались около двух лет, после чего получали свидетельство о прослушанных науках<sup>121</sup>. Бывало, что служащий предъявлял данный документ своему руководству с целью получить указной чин без дополнительных экзаменов. Правда, на запросы о правах таковых лиц университет отвечал, что подобное «свидетельство не есть полный аттестат»<sup>122</sup>. Чиновники посещали студенческие лекции и в других университетах<sup>123</sup>. Только зимой 1833—1834 гг. доступ чиновников к обычным лекциям был ограничен: предварительно им следовало пройти испытание, равное вступительному для студентов<sup>124</sup>. Несомненно, это повлияло на численность и характер подготовки служащих к «экзамену на чин».

От необходимости сдавать экзамен чиновников могло избавить получение учёной степени<sup>125</sup>. Указ 14 января 1811 г. освободил кандидатов, магистров и докторов наук от специального испытания для получения чина коллежского асессора и статского советника, «доколе они остаются в учебной службе». «Положение о производстве в учёные степени», утверждённое 20 января 1819 г., распространило данную привилегию на всех их обладателей, включая степень «действительного студента»<sup>126</sup>. В июле 1827 г. Писарев запретил московским профессорам экзаменовывать чиновников на степень действительного студента, разрешив использовать ординарные лекции только для подготовки к экзамену по указу 1809 г.<sup>127</sup> Из-за обязательной очерёдности прохождения учёных степеней это исключало возможность приобретения образовательного ценза с их помощью<sup>128</sup>. Однако позиция попечителя не получила поддержки в Петербурге. Примерно в то же время подобный вопрос возник в Дерпте, откуда был передан на рассмотрение в министерство. По заключению Главного правления училищ, чиновники, посещавшие университетские лекции, могли испытываться на учёные степени в соответствии с §16 «Положения» 1819 г. При этом для них сделали исключение, и, посчитав «неприличным» смешивать служащих с обычными студентами, позволили им начинать испытания сразу со степени кандидата. Соответствующее распоряжение, последовавшее 17 сентября 1828 г., поступило во все университеты<sup>129</sup>.

рических, математических и юридических наук, в простой и, сколько возможно, краткой системе предложенных, с таблицами, атласом, чертежами и картинами. Ч. 1—2. М., 1812.

<sup>120</sup> Сборник постановлений... Т. 1. Стб. 150, 298, 1394; Сборник распоряжений... Т. 1. Стб. 697—698.

<sup>121</sup> ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 97, д. 240, л. 1; оп. 109, д. 382, л. 5—5 об., 12, 17; оп. 115, д. 148, л. 1—1 об., 4—4 об.

<sup>122</sup> Там же, оп. 118, д. 493.

<sup>123</sup> Багалеи Д.И. Указ. соч. Т. 1. С. 273, 572—573; Сборник распоряжений... Т. 1. Стб. 674—675.

<sup>124</sup> ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 104, д. 36, л. 1—2; Сборник постановлений... Т. 2. Отд. 1. Стб. 677, 694—695. Как утверждала Л.И. Насонкина, 17 сентября 1828 г. Главное правление училищ обязало чиновников, слушавших университетские лекции, предъявлять разрешение начальства (Насонкина Л.И. Московский университет... С. 27). Между тем данное распоряжение не содержит подобного требования. См.: Сборник распоряжений... Т. 1. Стб. 674—676.

<sup>125</sup> Багалеи Д.И. Указ. соч. Т. 1. С. 356.

<sup>126</sup> Сборник постановлений... Т. 1. Стб. 677, 1257.

<sup>127</sup> ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 97, д. 240.

<sup>128</sup> Сборник постановлений... Т. 1. Стб. 1252.

<sup>129</sup> Сборник распоряжений... Т. 1. Стб. 674—676; ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 98, д. 284. См. также: Багалеи Д.И. Указ. соч. Т. 2. С. 648.

Указ 14 января 1811 г., подтверждённый в 1819 г., допускал также изъятия из общих правил «по особенным уважениям к людям, снискавшим в учёном свете сочинениями их и трудами отличную славу». Засвидетельствовать её должно было Главное правление училищ<sup>130</sup>. Видимо, на этом основании в 1816 г. Н.М. Карамзина произвели в статские советники без экзамена<sup>131</sup>.

В особом положении находились лица, обучавшиеся за рубежом, но служившие в России. В 1811 г. правительство постановило, что дипломы иностранных училищ, академий и университетов при производстве в чины не заменяют российских аттестатов<sup>132</sup>. «Положение» 1819 г. освободило от «экзаменов на чин» лишь получивших за границей докторскую степень<sup>133</sup>.

Таким образом, за 25 лет тем или иным поправкам подверглись почти все положения указа 6 августа 1809 г. Неизменной оставалась лишь идея об особых условиях для производства в чины VIII и V классов. При этом указ оставался тем общим правилом, которое лишь подтверждалось всеми изъятиями вплоть до 1834 г. За эти годы последовало несколько десятков нормативно-правовых актов, непосредственно связанных с разъяснением, дополнением и изменением установленных в 1809 г. норм. Большинство из них были подписаны императором и касались институциональных рамок действия закона «об экзаменах на чин».

Около половины поправок и уточнений были сделаны в первые десять лет — с 1810 по 1819 г. включительно. Это можно связать с поспешностью разработки указа 1809 г. и несогласованностью его норм с иными законодательными актами. Помимо дарования льгот по чинопроизводству отдельным ведомствам и выпускникам училищ, в это время был уточнён порядок записи и учёта слушателей специальных лекционных курсов, дозволено расширение программы экзаменов, установлены формы аттестатов и плата за них, урегулированы права обладателей учёных степеней. Не случайно в данный период возникают различия в организации комитетов испытаний, специальных лекционных курсов и самих экзаменов. Видимо, поначалу детали реализации указа предоставлялись на усмотрение университетского начальства и лишь позднее унифицировались властью Министерства народного просвещения или попечителей учебных округов. Особое значение приобрёл опыт столицы, который при отсутствии формальных предписаний мог восприниматься, как наиболее соответствующий пожеланиям высшей власти.

Следует отметить, что правительственные меры 1820—1830-х гг. отличались преемственностью, главным образом, контролируя исполнение предшествовавших предписаний. Важной тенденцией стало стремление к дифференциации потоков учащихся и аттестуемых: прекращение свободного доступа чиновников к ординарным лекциям в университетах и разрешение им претендовать сразу на вторую учёную степень, дабы «не смешивать» их со студентами, запрет на обращения в комитеты испытаний лиц, не состоявших на службе, и т.д. В целом, установленные в 1809 г. правила являлись существенным элементом развития гражданской службы в России в первой трети XIX в. и связанных с ней сфер социальной жизни.

<sup>130</sup> Сборник постановлений... Т. 1. Стб. 679; Шмид Е. Указ. соч. С. 78.

<sup>131</sup> Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000. С. 368.

<sup>132</sup> Сборник постановлений... Т. 1. Стб. 677—678.

<sup>133</sup> Там же. Стб. 1258; Сборник распоряжений... Т. 1. Стб. 397—398.